

ГЛАВА 1

— Серега, ты на кафедре? — услышал я окрик Кирилла, поднимаясь по лестнице на второй этаж корпуса.

Сокурсник, собутыльник и просто мой дружбан стоял возле перил, задрал голову вверх.

— Ага, туда. А чего хотел? — Пришлось притормозить.

— Так тебя ждать или ты надолго? — Весь его вид излучал нетерпение, даже носки туфель были повернуты в сторону выхода.

Точно. Договаривался же с парнями съездить искупаться на пруды. Вздохнув, я геройски подавил в себе желание свалить и возобновил подъем по лестнице.

— Езжайте без меня, я позже подъеду, — крикнул я ему.

Возле кабинета толпились студенты. Конец учебного года, многие подчищали хвосты для допуска к сессии, а я все никак не мог довести до ума свою дипломную работу. Препод уже заездил с этими переделками, все ему что-то было не так. Перфекционист на мою голову.

— Кто последний? — поинтересовался я.

Отозвалась читающая конспект и подпирающая спиной стену симпатичная блондинка с младшего курса.

Визуально оценив формы девушки, я переместил свой взгляд на дверь. «К.ю.н. Морозов Алексей Вадимович», — глядела на ней табличка.

Примостил свою спину к свободному пятачку стены. Стоял, изнывая от нетерпения и жары, очередь не двигалась. Чтобы хоть как-то взбодриться, я принялся подкатывать к стоящей напротив блондинистой студентке.

Та была явно не против флирта. Ее подкрашенные помадой губы мило мне улыбались, глаза предвкушающе блестели, оценивая мой дорогой прикид и симпатичную внешность.

Мы со Светиком (так звали девушку) уже начали договариваться о совместной поездке на пруды, как дверь распахнулась.

— А, Королько. На ловца и зверь бежит. — В дверном проеме остановился мой научный руководитель Морозов. Поправив очки, он шагнул назад, взмахом руки приглашая меня следовать за ним.

Под разочарованные и недовольные возгласы студентов, чью очередь я обошел, мы вошли в кабинет. Препод указал мне на стул, а сам уселся за один из столов, заваленных, как и два других, работами студентов.

— Вот объясни мне, Королько, что ты за человек такой? Вроде не дурак, а до последнего тянешь. Мне же еще рецензию писать! — С этими словами Морозов вытянул у меня из рук папку с дипломной работой и, перелистав до третьей главы, принялся просматривать текст.

— Извините, Алексей Вадимович, так получилось, — произнес я дежурную фразу, подпустив в голос раскаяния.

— Ты же будущий юрист. Должен быть собранным и дисциплинированным. — На последнем слове преподаватель поднял палец вверх, подчеркивая важность дисциплины для юриста.

— Да какая дисциплина, Алексей Вадимович, я же на гражданку собираюсь, — расплылся я в располагающей улыбке.

— Не загадывай, Сергей. Жизнь — сложная штука, в ней всякое может случиться, — задумчиво произнес Морозов и вновь углубился в чтение исправленной версии третьей части дипломной работы.

Спорить я не собирался. Незачем отвлекать научного руководителя. Время дорого, а мне еще на пруды ехать. Но про себя, конечно, послал Морозова куда подальше с его философствованиями. Себя я видел исключительно в топ-менеджменте крупной корпорации. На меньшее я был не согласен. Нет, понятно, что сперва придется побегать рядовым юристом в юридическом отделе или департаменте, но затем я его возглавлю,

а там и в замы по правовым вопросам или даже в гендиректоры выдвинусь.

— Королько! — Щелчок пальцев разогнал мои мечты о будущем. — Ну что, вижу, поработал, учел мои замечания. Оставляй работу и свободен.

«Да ладно?» — удивился я, но уточнять ничего не стал, а радостно поблагодарив своего научного руководителя, выскокил за дверь.

— Свобода! — не удержался я в коридоре от возгласа и, приобняв Светика за талию, пропел: — «Поехали, красавица, купаться!»

Девушка довольно засмеялась.

— Подождешь меня? — спросила она, состроив одновременно просительное и многообещающее выражение лица.

— На парковке, — уточнил я место своей дислокации и зашагал по лестнице вниз.

У входа, засунув в уши наушники, я вытащил из кармана брелок с ключами от машины и двинул в сторону парковки. Но на середине пути вспомнил, что не мешало бы купить воду. Развернулся на девяносто градусов и побежал к расположенному через дорогу магазину.

А затем пришла БОЛЬ. Кажется, у меня потрескались капилляры, вздулись вены и поломались все кости. Больно было до безумия, и, самое ужасное, боль не проходила. Но вдруг меня словно выдернули из охваченного болью тела, и я завис в нескольких метрах над землей.

Внизу суетились люди, одни бежали прочь, другие, наоборот, подбирались с уже выставленными телефонами как можно ближе к врезавшемуся в фонарный столб автомобилю; верещали сирены спецтранспорта, а посреди всего этого хаоса лежало мое переломанное тело, из-под которого по асфальту растекалась темная жижа.

Потрясение от увиденного на какое-то время застило мне обзор, и я почувствовал, что начал подниматься выше.

— Не-э-эт! — заорал я во все свои астральные легкие и принялся загребать руками воздух, пытаясь лететь в обратную сторону. Мой крик конечно же оказался беззвучным, но вот подъем прекратился.

Обнадеженный, я напряг зрение, вот только теперь мой взор застила тьма. Земля исчезла из вида. Вновь беззвучно закричав, я продолжил грести.

Сколько продолжался этот сумасшедший заплыв, я определить затрудняюсь. Время словно срослось с окружающей тьмой и заточило меня в вакуум, где я, напуганный до одури, и барахтался. И вдруг в этой черноте мигнул свет. Застыв от неожиданности, я спустя мгновение вновь с многократно усиленным рвением принялся прорываться через темноту в поисках света. Надежды сбылись. Тьма начала расступаться, замелькали просветы, и через какое-то время я вновь увидел свое тело. Хотя...

Чего это с ним?

Заработав руками, я подплыл к лежащему на асфальте молодому мужчине. Это был определенно я, вот только какой-то шутник зачем-то натянул мне на голову парик длиною до плеч, с уродским пробором посередине, на лицо прилепил усы и для пушшего веселья переодел в ретрокостюм а-ля бременские музыканты.

«Что за фигня?» — удивился я, осматриваясь вокруг.

Это был все тот же перекресток, правда, антураж изменился. Вместо «тойоты» с фонарным столбом обнималась бежевая «шестерка». Исчезли рекламные плакаты, что совсем недавно облепляли прилегающие здания, вместо них кто-то прикрепил редкие блеклые вывески: «Промтовары», «Продукты», «Столовая № 16», «Книги». Куда-то пропали привычные высотки. Вместо нескончаемого потока машин за несколько минут по дороге проехали лишь пара легковых автомобилей, несколько грузовиков и три автобуса. И среди них иномарок не было вовсе.

Люди, те тоже сильно отличались. Все были какими-то блеклыми, неухоженными, словно сторонились спортзала и салонов красоты. На мужчинах мешковатая одежда и стоптанная обувь, в руках вязаные сетки, заполненные серыми бумажными свертками, жестяными банками и стеклянными бутылками. На женщинах платья старомодных фасонов, не радующих глаз расцветок. Они шли по тротуарам, цокая каблукками своих громоздких туфель и взирая на мир намазанными синими тенями и черной подводкой глазами. В руках они та-

щили оттягивающие их плечи книзу, заполненные до верха сумки и те же авоськи.

Ни на одном из прохожих я не заметил ни пирсинга, ни дредов, ни цветных татуировок.

Тут мой взгляд вновь наткнулся на мое тело. Пока я озираясь по сторонам, возле него столпился народ. Из «шестерки» выбралась женщина в приличном, но несовременном деловом костюме. Ее прихваченные заколкой волосы немного растрепались, и выбившиеся пряди лезли в глаза. Помассировав себе виски и убрав за уши непослушные волосы, она целенаправленно зашагала в сторону моего тела. Склонившись над ним, женщина спустя мгновение опустилась на колени и начала делать пострадавшему массаж сердца. Вот только, судя по ее напряженному виду, результата не было.

У меня началась паника.

«Ну же, давай вставай! — кричал я, кружа над женщиной и своим телом. — Да вставай ты! Пожалуйста!»

Кажется, от всплеска эмоций я разревелся, хотя не уверен, что в моем состоянии такое вообще было возможно. Впрочем, кричать и грести вне тела я тоже как бы не мог, тем не менее делал это или представлял, что делаю.

И тут свет померк, меня вновь окружила тьма, а затем неведомая сила дернула вниз.

— А-а-а-а! — заорал я и зашелся в кашле.

А через мгновение почувствовал, как меня переворачивают на бок. Тут же на меня обрушились звуки улицы: я услышал трель свистка, после которого последовал командный мужской голос и женские причитания. Я приподнялся на руках, попытался сесть на асфальт, и надо мной раздался строгий женский голос:

— Вам нельзя двигаться! Сейчас приедет «скорая» и вам помогут.

Говорила та самая женщина, что реанимировала меня. Она оказалась довольно молодой, ей можно было дать лет около тридцати. Не особо красивое, но располагающее лицо: прямой нос, высокий лоб, волевой подбородок, сжатые тонкие губы. Взгляд серьезный, внимательный, даже пытливый. Так смотрит начальник на подчиненного или преподаватель на студента.

От разглядывания меня отвлек подошедший полицейский, вернее, милиционер, который сразу же завладел моим вниманием. Он был одет в форму из музея МВД. Когда-то мы курсом ходили туда на экскурсию. Увиденное в музее из моей памяти еще не выветрилось, так что я смог уверенно опознать на мужчине форму советской милиции. Китель и брюки темно-серого цвета, серая рубашка с галстуком, фуражка с высокой тульей и околышем красного цвета, на ногах яловые сапоги, на поясе кобура.

— Младший лейтенант Горзеев! — козырнул он.

Сюрреализм какой-то. Словно я угодил в кинохронику советских лет.

Точно! Вот на что это все похоже! От догадки я дернулся, пытаясь встать.

— Поаккуратнее, товарищ, не упадите, — пробасил Горзеев, подхватив меня под локоть. — А вот и ГАИ, — добавил он, и мы все повернули головы в сторону подъехавшей легковушки желтого цвета с синими полосами по бортам.

Из машины вышли два сотрудника, тоже в ретроформе, и сразу же направились к нам. Я к тому времени уже стоял на ногах, слегка покачиваясь от шока и последствий удара автомобиля. Горзеев же, стиснув в своей ладони мой локоть, помог мне удерживать равновесие.

— Лейтенант Попов! — представился старший из гаишников. — Рассказывайте, что здесь произошло.

Не успел я открыть рот, как вмешалась женщина в деловом костюме.

— Понимаете, товарищ лейтенант, этот человек выскочил прямо на дорогу, — немного нервно начала она свой рассказ. — Я ничего не смогла сделать. Ударила по тормозам, отвернула руль, но все произошло так быстро, что я просто не успела избежать наезда.

— Понятно, — проговорил он, изучая взглядом место ДТП.

Второй сотрудник в это время начал делать замеры.

— Ваши документы, пожалуйста, гражданочка, — потребовал Попов.

— Да, конечно. — Женщина протянула лейтенанту водительское удостоверение

— Зудилина Ольга Васильевна, — прочитал он вслух. — А у вас, гражданин, есть с собой документы? — Попов повернулся в мою сторону.

— Э-э, — протянул я и принялся шлепать по своим карманам. В рубашке отыскался студенческий билет.

Только я собрался его раскрыть и посмотреть, что там внутри, как лейтенант ловким движением завладел найденной мною ксивой.

— Так-с, Чапыра Альберт Анатольевич.

Кто?! От потрясения я закашлялся.

— Пятый курс, — продолжил он читать содержимое билета, бросив взгляд в сторону крайнего корпуса универа. — Ну так и что произошло, гражданин Чапыра? — вернулся он к опросу.

— Ну, я переходил дорогу, а тут машина откуда-то вырулила. Не успел отскочить, — начал я импровизировать. Черт знает, что там произошло на самом деле, но вот лучше бы не меня признали виновным. Я еще не разобрался с тем, во что вляпался, и лишние проблемы мне были не нужны.

— Это я вырулила?! — возмутилась Зудилина. Ее глаза сверкали в гневе. Женщина обличительно ткнула в мою сторону пальцем. — Это ты бросился под мою машину!

— Да неужели? — ухмыльнулся я, но тут же посерьезнел. Если решат, что я самоубийца, то в психушку упекут на обследование. — Товарищ лейтенант, я из университета в магазин шел. Просто шел, не бежал, из кустов не выскакивал, водителей не пугал. А вот она, — теперь уже я выставил свой палец, — гоняет по городу, как по трассе Париж — Дакар.

Зудилина от моего спича покраснела, открыла рот, чтобы обрушиться с обвинениями, но тут неожиданно меня поддержала толпа. Люди, как оказалось, никуда не ушли, они с интересом следили за происходящим и даже решили поучаствовать в спектакле.

— Она, она виновата! — закричала бабка, потрясая клюшкой. — Чуть человека жизни не лишила!

— Гоняют словно шальные! Дорогу перейти спокойно не дают! — перебивали ее женские голоса.

— Баба за рулем — обезьяна с гранатой, — заглушил всех мужской бас.

— А ну тихо! — это уже гаркнул лейтенант Попов. — Кто из вас видел момент аварии?

— Так это... Да я уже после подошел, — слышались голоса.

Зудилина посветлела лицом. Ответы ее явно воодушевили, и женщина вновь бросилась в наступление.

— Не видели, а наговариваете! Что за люди?! — закричала она. — Это он мне под колеса прыгнул и врет! Бессовестный!

— Гражданочка, не кричите так, — поморщился Попов. — Сейчас во всем разберемся.

Он вытащил из планшета чистый лист бумаги и принялся рисовать схему, периодически уточняя информацию у коллеги.

Неожиданно воздух со свистом резанула промелькнувшая немного в стороне от меня клюка.

— Это кого ты тут лгуньей назвала?! — закричала старуха и начала надвигаться на совершившую наезд женщину. Походу, она только что переварила ее слова и каким-то образом всё приняла на свой счет. — Да как ты смеешь?! Я ветеран, орденносец! — Клюка стучала по асфальту, старуха надвигалась.

Зудилина, отступая, нырнула за спину все еще поддерживающего меня Горзеева, и я оказался первым на пути разгневанной старухи. Первому мне и прилетело клюкой. Хрупкое равновесие было нарушено, и я начал оседать.

Позади раздался вскрик Зудилиной.

— А ну прекратить! — Падая, я услышал голос Горзеева, которому пришлось меня отпустить, чтобы перехватить клюку.

— Убили! — истерически закричали женщины. Кто-то даже завизжал.

Я в это время лежал на асфальте, морщился от боли в локте, на который пришелся основной удар от падения, и изумлялся.

«Верните меня обратно!» — кричал я куда-то в небо, не разжимая губ.

Вот какого хрена меня сюда занесло?! Нет, я читал, конечно, книги про попаданцев. Но там в СССР обычно старперы отправлялись. Они когда-то жили в нем, знают его специфику, ностальгируют по нему. Поэтому и принимают в новой жизни усиленно его спасать. А я здесь при чем? Зачем меня сюда

отправили? Чего я здесь делать-то буду? Мне вообще до звезды этот СССР. Я в нем не жил и, соответственно, никаких нежных чувств к нему не питаю. На кой я здесь сдался?!

— Чапыра! Ты чего тут разлегся?! — Мои стенания прервал незнакомый женский голос.

Взгляд наткнулся на нависшую надо мной девушку. Строгая белая блузка, застегнутая под самое горло, черная юбка, открывающая острые колени. С двух сторон от ее русой головы болтались завязанные синими лентами тощие косички.

«Это еще кто?» — успел подумать я, прежде чем меня принялись поднимать в четыре руки.

— Да где эта «скорая»? — обеспокоенно заозирался Горзеев.

— Вы, гражданочка, кто будете? — раздраженно поинтересовался Попов у нового лица.

— Я комсорг. Лебедева моя фамилия, — поправив очки в толстой оправе, важно заявила девица и строго спросила: — А что здесь происходит?

— ДТП у нас здесь, — вздохнул Горзеев, вновь поддерживая меня за локоть.

— А при чем здесь Чапыра? Его на комсомольском собрании ждут. Нам, товарищи, задерживаться никак нельзя, — не терпящим возражения тоном заявила девица-комсорг. — Чапыра, ты в таком виде собрался на собрание идти?!

— А? Чего? — Я в это время раздумывал над значением слова «комсорг», поэтому не сразу среагировал.

— Девушка, у вашего товарища травма, его машина сбила. Не до собраний ему пока, — вновь раздраженно влез Попов. — Вы видели, что произошло? Нет? Тогда прошу вас покинуть место происшествия! И бабушку проводите уже до дома! — крикнул он столпившимся возле успокоившейся старухи людям. — Протокол читаем, подписываем! — Это уже он обратился к нам с Зудилиной.

Женщина первой схватила документ, а я задумался над тем, что эту Лебедеву отпускать никак нельзя. Раз она меня знает, то может оказаться полезной.

— Лебедева! — крикнул я в спину удаляющемуся комсоргу. — Подожди меня, я сейчас.

— Парень, ты куда это собрался? Сейчас «скорая» приедет, — придержал меня Горзеев.

— Да нормально все со мной, идти мне надо, — поморщился я от навязчивой заботы и в качестве аргумента добавил: — На комсомольское собрание.

— Протокол подпиши и иди, комсомолец, — подсуетился с протоколом Попов, сунув мне его в руки.

— В райотдел бы надо заехать, объяснения взять, — забеспокоился Горзеев.

— Да завтра подъедут, все же живы, — отмахнулся Попов. Его явно наше ДТП до печенок уже пробрало.

Первым делом я посмотрел на дату (именно она меня больше всего сейчас интересовала) — 18.06.1976. На дате я и завис ненадолго. Да уж, занесло. Текст протокола со схемой я просмотрел бегло, подписал их буквой «Ч» с завитком и, прихрамывая, поплелся в сторону Лебедевой. Смысл торчать здесь и что-то доказывать? Свидетелей нет, тормозной путь короткий, женщина — водитель, я пешеход, так что как-нибудь потом отбрехаюсь. А вот устраиваться в этой жизни нужно уже сегодня. Лебедева же ключ от этой новой жизни, удачно подвернувшийся мне ключ.

ГЛАВА 2

— Чапыра, а ты вообще как себя чувствуешь? — нарушила тишину Лебедева, когда мы ступили на территорию студенческого городка.

— Да как тебе сказать, — неопределенно начал я, соображая, как бы половчее из нее информацию выудить.

— Вижу, что сегодня от тебя толку не будет, — перебила комсорг, придирчиво рассматривая хромящего меня через свои окуляры.

Девушка вздохнула, что-то прикинув в уме.

— Ладно, пошли до общежития тебя провожу, а то упадешь еще по дороге. А мне потом отписывайся, — резюмировала она итог своих размышлений.

«Общежития?! — не на шутку встревожился я. — Прощай моя двухуровневая квартира?»

Мы подошли к унылому пятиэтажному зданию из серого кирпича. В мое время его фасад был облицован панелями, из-за чего общежитие имело более презентабельный вид.

Мы прошли холл, на ходу обменявшись приветствиями с выглянувшей из служебного помещения вахтершей. Поднялись по шерботой лестнице с погнутыми перилами на третий этаж и уткнулись в одну из дверей.

Лебедева безрезультатно подергала ручку.

— Открывай. Чего ждешь? — поторопила она меня.

Я вновь ощупал свои карманы и нашел-таки заветный ключик.

Дверь распахнулась, и я с опаской замер на пороге, не решаясь сделать еще один шаг в новую жизнь. Но долго рефлексировать мне не дали, беспардонно протолкнув внутрь комнаты.

— Ну вы и свиньи, — неодобрительно произнесла комсорг, намекая на бардак в комнате. Девушка стремительно подошла к заваленному учебниками, конспектами и посудой столу. — Пойду воды тебе принесу, — добавила она, схватив пустой стеклянный графин. — А ты, Чапыра, ложись, а то что-то шатает тебя.

Я озадаченно обвел взглядом четыре кровати, тоже заваленные всяким барахлом, облезлые стены с выцветшей краской, старый покосившийся шкаф с надтреснутым зеркалом на дверце, стулья с обломанными спинками, наполовину залепленное газетами окно.

— Сюрреализм какой-то, — пробормотал я и шагнул к зеркалу. — Это сюр, сюр, сюр... — как заведенный повторял я, рассматривая свое отражение.

Запачканные от лежания на асфальте брюки клеш с вшитыми красными клиньями и подшитыми внизу штанин металлическими застегжками-молниями, цветастая рубашка с ободранными локтями, ботинки на высокой платформе, походу самодельной. На голове длинные до плеч волосы с налипшей к ним пылью. И завершали композицию усы.

— Чапыра, с тобой все в порядке? — От неожиданно прозвучавшего окрика я вздрогнул.

Лебедева стояла у порога, держа в руках наполненный водой графин, и обеспокоенно наблюдала за мной.

— У тебя сейчас такое выражение лица было... — произнесла она задумчиво, устраивая графин на столе.

— Ты не знаешь, где ближайшая парикмахерская? — проигнорировав ее замечание, спросил я то, что меня сейчас занимало.

— В Доме быта, в двух кварталах отсюда. — Удивления в голосе девушки прибавилось. — А ты что, подстричься решил? — и, не дожидаясь ответа, добавила: — Давно пара. Молодец!

— А сколько стрижка стоит, не знаешь? — Задавая вопрос, я вновь принялся исследовать свои карманы. Вытащив бумажку, я озадаченно на нее уставился. Три рубля. Интересно, это много или мало?

— Мужская стрижка копеек двадцать, наверное, — неуверенно ответила Лебедева, но, заметив в моей руке купюру, резко сменила тональность: — Чапыра, тебе не стыдно?! Ты уже второй месяц не платишь комсомольские взносы. Говорил, денег нет! С тебя четыре копейки!

— Комсомольские взносы? — задумчиво переспросил я. — То есть я их платил все пять лет, что здесь учился?

— Платил. А в мае перестал платить! — изобличила она меня.

— Лебедева, а что вы делаете с собранными комсомольскими взносами? — вкрадчиво поинтересовался я.

— На нужды комсомола идут, — как о само собой разумеющемся ответила Лебедева.

— А я ведь комсомолец? — Я приблизился к девушке так, что теперь возвышался над ней.

— Комсомолец, — кивнула она, задрвав голову.

— Лебедева, меня сегодня сбила машина. Так?

Девушка опять кивнула, а я продолжил:

— Я получил травму, а значит, мне требуется поправить здоровье. Так?

Очередной кивок.

— Лекарства денег стоят. Так?

— Так.

— А еще мне потребуется новая одежда вместо испорченной. Так?

Девушка осмотрела мой потрепанный вид, но кивать не спешила, и я понял, что дама не разделяет мои вкусы.

— Другой одежды у меня нет, — веско произнес я. Вкусы Альберта я тоже не разделял.

— Почему нет? Не голым же ты на лекции ходишь? — От своих слов девушка покраснела и вновь попыталась отодвинуться.

— Нету! — отрезал я и сделал шаг вперед, вновь нависнув над комсоргом. — А это значит...

— Что? — как-то неуверенно спросила пунцовая Лебедева.

— Мне, комсомольцу, нужна помощь, материальная помощь — вот что это значит! — подвел я итог. — Так, садись.

Я усадил девушку на один из стульев возле стола, сам уселся рядом. Вырвал из тетрадки с конспектами чистый листок, отыскал ручку и написал посередине слово «Заявление».

Лебедева следила за моими действиями, то и дело поправляя очки.

— На имя кого писать? — деловито уточнил я.

— Что писать? — моргнула она в ответ и вновь поправила очки.

— Заявление о предоставлении материальной помощи, — пояснил я, сетуя про себя на тупость комсорга. — Ладно, потом сама шапку напишешь, — пробормотал я и принялся составлять текст.

Все время, что я писал, Лебедева настороженно следила за движением ручки и пыталась расшифровать мой почерк.

— Ну вот и всё. — Поставив число и подпись, я протянул заявление комсоргу. — Ты уж пролоббируй там мои интересы. Договорились?

— Что сделать? — Мои слова оторвали девушку от чтения заявления.

— Пролоббируй. Выскажись среди своих в моих интересах. Ты же видела и аварию, и то, что я в ней пострадал.

— Саму аварию я не видела, — сухо поправила меня комсорг, — но то, что ты пострадал, подтверждаю. И заявление твое сама в профком отдам.

— В профком? — не понял я.

— Оказанием материальной помощи студентам занимается профсоюз, — доложила она.

— Профсоюз так профсоюз, — согласился я, включая свою улыбку и помогая девушке подняться со стула, чтобы препроводить ее к выходу.

Дверь распахнулась, ударившись о стену, и в комнату ввалился парень с двумя бутылками портвейна в руках.

— Сорри! — заорал он, обнаружив нас с девушкой близко стоящими друг к другу. Но увиденное не помешало ему пройти вглубь комнаты и сгрузить добычу на стол.

Лебедева вновь залилась краской и вырвала свой локоть из моей ладони.

— Чапыру сбила машина, а я проводила его до комнаты! — возмущенно произнесла она, догадавшись, о чем подумал вошедший, застав нас почти в обнимку.

— Правда, что ли? — Парень заинтересованно разглядывал потрепанного меня. — Альберт, ну ты даешь! — отчего-то восхищенно присвистнул он, и из него тут же посыпались вопросы: — Где это произошло? Что за тачка? Кто был за рулем? Почему ты не в больнице?

Лебедева начала обстоятельно отвечать, мне только и оставалось, что поддакивать. Наконец комсоргу это надоело, и она обличительно выдала:

— А ты, Красников, вместо того чтобы бухать, лучше бы другу помог. Всё, я пошла. — И на этих словах она вышла, хлопнув дверью.

«Вот почему она ко всем по фамилии обращается?» — возмущенно думал я, рассматривая стоящего передо мной соседа. Высокий, ширококостный, плечистый. Удлиненное лицо с рублеными чертами. Темные вьющиеся волосы. Одет подобно мне в аляпистую рубашку и брюки клеш, но без изысков в виде клиньев и молний. На вид мой ровесник.

Следующая моя мысль была о конспектах, что валялись на столе. Возможно, в них я узнаю имя соседа.

Я принялся наводить на столе порядок, складывая тетради в стопку, попутно читая надписи на обложках.

— Это да, надо выпить, — по-своему расценил уборку на столе Красников. Подвинув два граненый стакана, он плеснул в них портвейн.

«Минералогия. Григорий Красников», — прочитал я на одном из конспектов.

— Держи! — отвлек меня от чтения сосед, сунув в руку наполненный стакан. — Ну, за жизнь! — захохотал он над своей же шуткой.

— За новую жизнь, — уныло поддержал его я и замахнул портвейн.

Утро выдалось безрадостным. Сперва я долго, тупо пялился в облезлую стену, соображая, где нахожусь. Затем начал поворачиваться, и кровать подо мной противно заскрипела, чему я тоже подивился. Скинув ноги на пол, я наконец рассмотрел убранство комнаты целиком.

— Не сон, — констатировал я увиденное.

На одной из кроватей похрапывал вчерашний собутыльник, Григорий Красников. Остальные две кровати так же, как и вчера, были завалены хламом. На столе бардак, под столом целая батарея пустых бутылок. Кажется, вчера состоялась грандиозная пьянка. Помню, в комнате собралось с десяток парней и девчат, кто-то притащил гитару. Они пели песни, которые я не знал. Поэтому я тискал какую-то деваху, а та била меня по рукам и счастливо хохотала.

— Альберт, вода есть? — прохрипел сосед, ворочаясь и скрипя металлической кроватью.

Графин, стоявший на столе возле заполненного окурками блюда, был определенно пуст.

— Сейчас принесу, — бросил я, поднимаясь.

В коридоре кипела жизнь. Шустро сновали девицы, вяло ковыляли полуголые парни. Из общей кухни доносился запах яичницы и еще чего-то съестного. Первым делом я двинулся в сортир. Помню, он меня еще вчера впечатлил своим загаженным видом. На кухне на мне повисла вчерашняя девица. Опознал я ее, если честно, с большим трудом. Вчера она была в мини-юбке и кофточке с глубоким декольте. Сегодня же, в выцветшем халате, затоптанных тапках и без прически, она смотрелась отвратно.

— Извини, мне надо идти, — оторвал я ее от себя.

Грег, а именно так требовалось обращаться к соседу, уже встал и копался в тумбочке в поисках жратвы. Отыскав там по-

ловинку черствого батона и банку с говяжьей тушенкой, он небрежно бросил добычу на стол, сам же вцепился в стакан, который я наполнил водой.

— У тебя сегодня какие планы? — спросил Грег, утолив жажду.

— В парикмахерскую схожу. Да вещи надо разобрать, а то найти ничего не могу. Кстати, сможешь? — Как-то же надо было идентифицировать вещи Альберта. Без посторонней помощи опознать их мне явно было не под силу. Два других наших соседа, как вчера выяснилось, учились на четвертом курсе, поэтому, сдав сессию, уже свалили домой. Так что вся надежда на Грега.

Красников опасно обвел заваленную вещами комнату взглядом.

— Ну да, надо прибраться, — обреченно согласился он.

«Еще Лебедеву надо насчет денег потрясти», — добавил я про себя.

Спустя полчаса мы с Грегом сидели на полу и разбирали обувь. Одежда была уже разложена по стопкам. Время от времени я кидал на свою стопку неприязненный взгляд. Убогий гардероб Альберта окончательно испортил мне настроение. А его обувь просто уродлива, место ей только на мусорке.

— Слушай, а сандалии у меня есть? — обреченно спросил я, рассматривая башмаки, единственные, у которых каблуки не были искусственно увеличены.

— Откуда я знаю, — хохотнул в ответ Грег.

Веселый парень. А мне вот не до смеха. В чем ходить — хрен его знает. И всех денег — трешка.

Натянув на себя мышинного цвета брюки (нашлись-таки в гардеробе Альберта брюки прямого покроя), светлую, однотонную рубашку с удлинненными уголками воротника и разношенные туфли, я отправился на поиски Лебедевой.

Комсорга я перехватил в главном корпусе, где она вместе со студентом младших курсов вешала стенгазету.

— Привет, Танюша, — поздоровался я, выяснив вчера имя комсорга.

— Привет, Чапыра, то есть Альберт, — озадаченно ответила на мое приветствие Лебедева.

Юный же комсомолец сделал стойку, вылупившись на меня с удивлением и любопытством.

Подхватив девушку под локоток, я оттащил ее подальше от греющего уши студента.

— Ты сегодня очаровательна как никогда, — первым делом сделал я ей комплимент.

Вместо вчерашних тощих косичек на голове комсорга красовалась скрученная из косы култышка.

Лебедева зарделась и вырвала свою руку из моей хватки.

— Чапыра, ты чего себе позволяешь?! — прошипела она так, чтобы никто не услышал.

— А что такое? — не понял я.

Ну косятся с любопытством в нашу сторону проходящие мимо студенты, и что с того? Я же ей юбку не задираю, ширинку себе не расстегиваю.

— Ты меня компрометируешь! — еще тише прошипела комсорг.

Так и не поняв, что она имеет в виду, я все же решил сменить тему, раз уж девушке неприятна моя вежливость.

— Как там насчет материальной помощи?

— Пошли в профком, — бросила мне на ходу Лебедева, устремившись в сторону лестницы и по дороге стараясь держать между нами приличную дистанцию.

В кабинете с грозной табличкой на двери нас встретила хмурая дама. Судя по выражению лица, жизнь ее явно не радовала. Полноватая, с двойным подбородком, с накрашенными черными бровями и алыми губами. Она мне сразу не понравилась, как и ее похожий на склеп кабинет. Деревянные панели во всю стену, непрезентабельный длинный стол, обставленный со всех сторон стульями, плотные бордовые шторы, отсекающие солнечный свет.

— Анна Сергеевна, я вам Альберта Чапыру привела. Я вчера вам от него заявление передавала, — сразу же пояснила Лебедева, а то хозяйка слишком уж недовольно на меня глянула.

— А, вчерашний пострадавший. — Голос прозвучал грубо и пронзительно. — Что же вы, товарищ Чапыра, по сторонам-то не смотрите? — строго спросила она меня.

— Не я виноват в аварии, уважаемая Анна Сергеевна. — Я располагающе улыбнулся.

Дав взглядом понять, что она мне ни на грош не верит, профсоюзная дама подошла к столу, вытащила из стопки бумаг мое заявление с резолюцией и передала мне.

— С этим подойдете к кассиру, — отпустила она нас барственным тоном.

Выйдя в коридор, я уткнулся в резолюцию и прочитал «в размере стипендии». Интересно, это сколько?

— Ну все, больше тебе моя помощь не нужна? — услышал я голос Лебедевой, которая терпеливо ожидала, пока я пересчитаю выданные в кассе деньги.

— Пятьдесят рублей, — озвучил я вслух сумму.

— Это максимальная помощь для студента, — пояснила мне комсорг.

— Танюша, ты лучшая!

И, прежде чем девушка успела среагировать, я приобнял ее за талию, подтянул к себе и смачно поцеловал в губы.

— О-о-о-о! — услышал я голоса находящихся поблизости студентов, а затем мне прилетела звучная пощечина и гневные возгласы Лебедевой:

— Чапыра! Как тебе не стыдно?! Руки убрал!

Татьяна стояла раскрасневшаяся, очки у нее съехали, а глаза сверкали от негодования.

Я озадаченно почесал затылок, вспомнив при этом, что пора навестить парикмахера.

— Ну, извини, — пожал я плечами, не понимая, как обычный поцелуй мог спровоцировать такую бурную реакцию.

«Дикая она какая-то», — подумал я про себя, двигаясь в сторону выхода.

ГЛАВА 3

По пути в парикмахерскую я решил заскочить на юрфак, узнать дату защиты диплома. Вчера в общежитии я ведь не только бухал и тискал девчонку, главное, я собирал информацию. И выяснил, что госы Альберт уже сдал, чему я очень обрадо-

вался. Сам бы я их завалил со стопроцентной вероятностью. Законодательство здесь совершенно другое, не то что я изучал в своем времени. Да еще и местные выверты типа истории КПСС или научного коммунизма, в которых я ни в зуб ногой.

Так что мне осталось защитить диплом и дожидаться распределения. Вот, кстати, еще один местный выверт. Студентов после обучения заставляют отрабатывать это обучение несколько лет. Причем, судя по уверениям вчерашних собутыльников, законопатить могут в такую дыру, после которой райцентр покажется столицей. Такая участь грозит и моему Альберту. Он здесь, оказывается, местный возмутитель спокойствия, головная боль руководства вуза и комсомольских вожаков. На вчерашнем комсомольском собрании Альберта должны были в очередной раз пропесочить за неподобающий строителю коммунизма внешний вид, но вместо этого Альберт угодил под машину, что его и спасло от разборок.

Так, размышляя о своей дальнейшей незавидной судьбе, я и дошел до нужного мне корпуса. В отличие от моего времени здесь юридическое образование считалось не особо престижным. Наверное, поэтому юрфак занимал не целый корпус, а ютился там с соседями — историческим и экономическим факультетами.

При входе сразу бросилось в глаза, что корпус требует капитального ремонта. Облезлые стены грязно-зеленого цвета, изуродованные наскальной студенческой живописью, кое-где закрашенной, но не смазавшей впечатления, что находишься в гадючнике. На полу старый потертый паркет с выпавшими плашками. Ведущие в аудитории двери в царапинах и тех же надписях, у многих из дверей оторваны ручки. Бродивших по первому этажу и весело переговаривающихся между собой студентов, казалось, окружающая их разруха нисколько не смущала.

Осторожно, чтоб не навернуться на остатках паркета, я прошел к информационному стенду юридического факультета.

— Здорово! — отвлек меня от изучения приколотых кнопками к доскам бумажных листов вчерашний собутыльник — худошавый, русоволосый молодой человек в пиджаке с чужого

плеча, великоватом размера на два. Кажется, его Алексеем зовут и он учится со мной на одном курсе.

— Привет, — пожал я протянутую руку.

— У нас двадцать первого защита, — обрадовал меня Алексей. Самостоятельно я эту информацию на стенде пока не отыскал. — Готов?

— Всегда готов, — ответил я в духе здешних пионеров, а сам задумался. Дело в том, что дипломную работу Альберта я еще в глаза не видел, как-то не до нее пока было. Так что мне предстояло ее отыскать. Я припомнил бумаги, что мы вчера с Греггом переложили со стола в одну из тумб. Надо будет, как вернусь в общагу, в ней порыться.

— Слушай, а что у тебя с Лебедевой? — как-то заговорщицки задал вопрос сокурсник, понизив голос и покрутив головой по сторонам.

— А что у меня с Лебедевой? — насторожился я.

— Говорят, вы с ней целовались, — прошептал он.

— Кто говорит?

— Ну, многие видели. — Алексей отвел взгляд, не желая называть никого конкретно, и тут же как-то неуверенно добавил: — Я это к чему, раз ты теперь с Лебедевой, ты ведь не будешь против, если я к Голдобиной подкачу?

— Подкатывай, друг, — положил я ему на плечо руку, стараясь не заржать, — я только «за».

— Спасибо, дружище! Я этого не забуду! — Его лицо озарила счастливая улыбка.

— Презервативы не забудь купить, — посоветовал я ему, разворачиваясь в сторону выхода.

— У меня серьезные намерения. — Прорезавшееся в голосе Алексея возмущение меня притормозило, и я вновь развернулся к собеседнику.

— Жениться, что ли, собрался?

Алексей покраснел. А я про себя отметил, что люди здесь краснеют по любому поводу.

— Ты же знаешь, я в Ленку с первого курса влюблен. — Алексей вновь стрельнул глазами по сторонам и, убедившись, что никто не подслушивает, продолжил: — Но сперва я долго не решался к ней подойти, а в этом году ты начал за ней ухажи-

вать. — Парень тяжело вздохнул, но затем его лицо просветлело. — Но теперь, когда ты от нее отступился, у меня появился шанс!

— Слушай, а вот эта вчерашняя, которая у меня на коленях сидела... — начал я аккуратно задавать вопрос, чтобы выяснить, не Ленка ли вчера об меня весь вечер терлась.

— Да эта Юлька, она у всех на коленях сидит, — отмахнулся Алексей, давая понять, что вчерашняя девица даже не стоит упоминания.

— Всем дает? — все же уточнил я, с перспективой, так сказать.

— Никому не дает, — вновь вздохнул Алексей, — замуж хочет.

— Кто же ее возьмет, если она никому не дает? — подивился я.

Алексей уставился на меня непонимающе, и я заподозрил, что с сексом в СССР глухо. Сперва ЗАГС — потом секс, а не как у нормальных людей.

— Ладно, Лех, мне идти надо, — поспешил я распрощаться. — Ленке привет.

«Надеюсь, эта неведомая Ленка не будет против смены ухажера», — мелькнула мысль на выходе из корпуса.

Дом быта отыскался довольно быстро. Это было примечательное лишь обилием вывесок двухэтажное здание. Первый этаж почти полностью занимало почтовое отделение, а второй делили между собой ателье, фотостудия и искомая мною парикмахерская.

Поднявшись по вездесущим в этом времени бетонным щербатым лестницам, я пошел на химический запах и оказался в большом зале.

Посетителей в парикмахерской в это время суток оказалось немного, и все — женщины, часть из которых сидела в рядок у стены с колпаками на головах. Подобные я видел в кинофильмах.

— Чего тут встал? Ни пройти ни проехать. Не знаешь, что ли, где мужской зал? — Меня грубо пихнула плечом проходящая мимо дородная женщина, втиснутая в халат блекло-синего цвета. В руках она несла стопку чистых полотенец. — Степа-

ныч, забирай клиента, а то стоит тут на проходе, работать мешает, — крикнула она неведомому собеседнику.

Не успел я подивиться своеобразному сервису, как из соседнего зала вынырнул сухопарый мужчина интеллигентной наружности.

— Молодой человек, проходите сюда.

Я поспешил последовать его приглашению и оказался в закутке с узким окном на четыре рабочих места. Мастер предложил мне занять крайнее кресло.

— Как желаете постричься? — вежливо поинтересовался он, когда я устроился.

— А какие стрижки вы делаете? — в свою очередь поинтересовался я.

— Модельная, бокс, полубокс, канадка, — перечислил он.

— Давайте канадку, — определился я с выбором. — И еще мне побриться.

— Усы оставляем?

— Нет, сбываем.

Я их еще утром хотел сбрить, но выяснилось, что бритвенный станок у нас с Грегом один на двоих. Этот будущий геолог похерил свой еще в мае, когда ездил в какие-то дикие места на преддипломную практику. И ко всему прочему новых лезвий я не нашел, только использованные, засунутые в старые обертки.

Мастер, ловким движением рук упаковал меня в специальную накидку, после чего повел мыть волосы.

Спустя сорок минут на меня из зеркала смотрел почти прежний Сергей Королько и произвольно улыбался. Меня даже не печалила оставшаяся от усов над губой незагорелая полоска кожи.

— Одеколоном сбрызнуть? — напоследок поинтересовался мастер, материализовав в руке полулитровую стеклянную банку с пульверизатором. Видимо уловив на моем лице неуверенность, он добавил: — «В полет», другого, увы, нет.

— Давайте, — решил я. Дезинфекция как-никак.

Заплатив восемьдесят пять копеек за работу, я распрощался с мастером и направился в магазин. Нужно было купить мыльно-рыльные принадлежности.

Вернувшись на злополучный перекресток, где я еще вчера заметил вывеску «Промтовары», я в задумчивости остановился возле столовой. Завтрак в виде половины банки тушенки и черствого хлеба меня не особо насытил. Требовалось подкрепиться более основательно.

Кивнув своим мыслям, я смело шагнул в распахнутые двери и чуть не влип в мужскую спину. Пришлось резко тормозить. У самого входа начиналась очередь, которая тянулась до единственной в зале кассы.

«Стоит ли оно того?» — задумался я, с сомнением глядя на нее. Но спешить мне особо было некуда, так что решил задержаться.

Пока стоял, разглядывая помещение с его унылым интерьером, и наблюдал за посетителями и персоналом, заметил, что сама раздача блюд происходит довольно быстро, а вот основной затор образовался на кассе.

— Дамы, а можно вторую кассу открыть? — обратился я к представительницам общепита в белых халатах с косынками на голове, обслуживающим людей в зале.

После моего вопроса в столовой наступила тишина, даже перестала брэнчать посуда.

Женщины, что стояли на раздаче, и кассирша, прекратив работу, с удивлением уставились на меня.

— Дамы в ресторане! — первой отмерла кассирша. — Отдельную кассу ему подавай. Нет, вы слышали?! Барин тут выискался!

— Точно барин! — присоединились к ней напарницы. — А у нас здесь все равны. Стой в очереди и не вякай! Фиг тебе, а не отдельная касса! — Женщины разошлись, явно получая удовольствие от происходящего.

Видимо, на меня повлияла абсурдность ситуации и я за чем-то включился в перепалку.

— Я просил не отдельную кассу, а еще одну, — произнес я по слогам последнее слово, — чтобы очередь быстрее шла. У вас затор на кассе, один кассир не успевает всех обслуживать, потому и очередь медленно движется.

Мне казалось, что я говорю очевидные вещи, вот только местные понимать меня не желали.

— Это я-то не успеваю?! Да я на Доске почета вишу! — еще громче заверещала кассирша. — Он мне еще указывать будет, как мне работать!

— Молодой человек, не мешайте людям работать, а то до вечера здесь простоим, — обратилась ко мне с недовольным выражением лица одна из стоящих впереди посетительниц.

— Без проблем, — кивнул я, осознав бесполезность своих действий.

Кассирша еще немного пошумела, но уже начала отбивать чеки, и очередь вновь стала продвигаться. У раздачи я оказался минут через пятнадцать. Из-за полок на меня ехидно смотрела одна из подавальщиц.

— Рассольник, гречневую кашу и бифштекс, — сделал я заказ, самостоятельно сняв с верхней полки компот и два куска хлеба.

У кассы пришлось еще подождать. Показалось, что кассирша специально передо мной тянет время. Но когда подошла моя очередь, конфликта не последовало, и я, подхватив поднос, отправился искать свободное место.

Еда оказалась съедобной, а на большее я здесь и не рассчитывал.

После столовой я, как и планировал, зашел в промтовары. Первым делом купил бритвенный станок со сменными лезвиями, мыло и одеколон «Шипр» с запахом мха и цитруса. Поверил продавщице, которая уверила меня, что лучше его ничего на прилавке нет. Также приобрел примитивную зубную щетку и зубной порошок в белой круглой коробочке. Зубной пасты здесь не было.

Затем прошел в отдел с одеждой. Побродил среди рядов и стеллажей. Оценил вещи, удивляясь их покрою, и, прикинув финансы, пришел к выводу, что придется обойтись самым необходимым. В итоге купил две водолазки, черную и темно-серую (других расцветок не было), две белые футболки без всяких надписей, самые узкие штаны, что отыскал, полуспортивного кроя с четырьмя карманами из плотного материала, носки, нижнее белье, после чего отправился смотреть обувь.

Заметив на одной из полок сандалии, обрадовался. Лето все-таки на дворе. Хоть их фасон мне и не понравился, но

взял. Все равно они были лучше того, что сейчас на мне надето. Также купил обычные бело-синие кеды. А вот туфли меня не впечатлили от слова «совсем». Да только на защиту диплома в сандалиях или кедах не заявисься. Не те сейчас времена, не поймут. Неприятности же на ровном месте мне не нужны. Поэтому повздыхал и купил одну пару туфель черного цвета.

Прифигел на выдаче товара — все мои покупки завернули в серую бумагу. И как я это все должен нести?

— А пакеты у вас есть? — спросил я у девушки-продавца.

— Пакетов нет, — услышал я недовольный ответ.

— А как я это все понесу? — указал я на несколько бумажных свертков.

— Купите портфель, — нагло заявила мне девица.

— Мне пакет нужен, а не портфель, — раздраженно бросил я. От советского сервиса меня уже тошнило.

— Альберт, возьмите, пожалуйста, — услышал я женский голос.

Ко мне подошла дама средних лет в темно-синем платье, длиною ниже колена с белым тонким пояском и брошкой на груди. Волосы ее были аккуратно уложены, а макияж естественным.

Она протягивала мне комок тонких веревок.

— Авоська? — догадался я.

— Пакетов у меня тоже нет, — пожав плечами, улыбнулась женщина.

— Спасибо большое, — поблагодарил я ее, забрав сетку. — Я вам что-то должен? — не смог не спросить.

— Нет, конечно. — Выражение лица женщины приобрело строгость.

— Извините, — произнес я и, запихнув в сетку покупки, поспешил ретироваться.

«Интересно, кто она?» — думал я, шагая в сторону универа. В голову пришла только версия о преподавателе. Женщина меня явно узнала, а то, что она меня с интересом рассматривала, можно объяснить удивлением, вызванным сменой имиджа Альберта.

Вернувшись в общагу, я первым делом выгреб все бумаги из тумбы. Дипломная работа, на мое счастье, отыскалась. Это

была копия отпечатанного на машинке текста. Я даже нашел текст речи. Ему я обрадовался ничуть не меньше, чем самой работе. Альберт, в отличие от меня, разбирался в советском законодательстве и реалиях, поэтому лучше знал, что говорить членам экзаменационной комиссии. Просматривая текст речи, убедился в том, что, как я и полагал, он наполовину состоит из цитат каких-то деятелей, из которых я только о Ленине и слышал.

Ладно, заучим наизусть, у меня еще целый день впереди.

Этим я и занимался до самого вечера, пока в комнату не ввалился Грег.

— Ты что, с Лебедевой замутил? — обнаружив меня на месте, прямо с порога гаркнул он и только после этого с помощью ноги захлопнул дверь. — Ты чего, дурной? Она же комсорг! Жизнь тебе испоганит. А ведь я еще вчера вас заподозрил, но вы с этой Лебедевой начали мне про аварию втирать. Потом еще эта Юлька. Впрочем, Юлька — это не аргумент.

— Опять что-то отмечаешь? — втиснулся я в его словесный поток, да и запах спиртного до меня донесся.

— Да фигня, стопарик на опохмел.

Грег плюхнулся на кровать, привалившись спиной к стене.

— Это, конечно, твое дело, — продолжил он, явно не желая съезжать с темы, — но я твой друг, а значит, должен предупредить: ты совершаешь большую ошибку. — На этом месте он громко икнул. — Вот слышишь, твой друг правду говорит! — Не убирая наведенный на меня указательный палец, он пьяно заржал.

— Грег, а кто распространяет всю эту чушь, ну, про то, что я с Лебедевой? — Не то чтобы меня волновали все эти сплетни, просто достали уже с этой темой.

— Кто? — Красников задумался. — Да все говорят. Ты же с ней в главном корпусе у всех на виду целовался. И вчера вы вместе в нашу комнату завалились. Ее в общаге полно народу видело. Вот Ленка приедет, прилетит тебе, Альбертик. — Грег опять заржал.

— В общагу она меня после аварии проводила. Если бы не она, я бы точно где-нибудь по дороге навернулся, — начал я объяснять. Ситуацию надо было как-то разруливать. Мне толь-

ко скандала перед защитой диплома не хватало. — Поцеловал я ее в знак благодарности, ничего личного. Она мне с материальной помощью хорошо помогла. Откуда я знал, что здесь кругом одни пуритане! — Последнее я уже не только для Грега произнес, но и для себя. Надо же было так лопухнуться. Оказывается, здесь вам не там.

— Ну не знаю, как-то неубедительно звучит. Ленка не поверит. — Красников развел руками и вновь заржал.

— Да плевал я на вашу Ленку, — произнес я устало. Сказалась и зубрежка, да и тема разговора достала.

— На твою Ленку, — упер в меня палец Грег.

— Уже не мою. Я ее Лехе передал.

— Как передал?

— Как эстафетную палочку.

Красников икнул.

ГЛАВА 4

После утренних процедур, натянув на себя купленные накануне футболку, светло-коричневые штаны и сандалии на белый носок, я первым делом отправился в столовую. Грег отказался составить мне компанию, умотав с утра завтракать к какой-то девице, обитающей этажом выше.

В универе, как оказалось, была своя столовая для студентов и преподавателей. Вот туда я и топал, пока не услышал откуда-то из-за кустов громкий шепот:

— Чапыра! Чапыра! Ты что, оглох?!

Я остановился и, прищурившись, уставился на живую изгородь вдоль дорожки. Оттуда выскользнула женская рука и попыталась втащить меня в кустарник.

Потерпев неудачу (моя реакция оказалась лучше), владелица руки высунула и голову.

— Лебедева? — удивился я. — Ты чего там делаешь?

— Тебя караулю, — отозвалась комсорг.

— Понятно. А зачем? — спросил я, так как на самом деле мне было непонятно.

— Да иди ты сюда, пока не увидели! — Девушка потеряла терпение и перешла с громкого шепота на еще более громкий.

— Слушай, Тань, я, как бы тебе объяснить... Я не хочу в кустах. Может, пойдем ко мне в комнату, она сейчас свободна. Там нам будет удобнее, — решил я поглумиться.

— Какая комната?! — возмутилась Лебедева. — В общаге полно народу. Давай иди сюда! — Походу, она не поняла, что я ее троллю.

Раз веселье отменяется, я решил выполнить просьбу дамы и шагнул в кусты.

— Мы должны решить, что нам делать, — заявила Татьяна, когда нас обоих скрыла живая изгородь.

Кажется, веселье все же состоится.

— А что нам делать? — уточнил я.

— А ты не знаешь, что о нас по универу ползут слухи? — сдвинув брови, предъявила мне претензии Лебедева.

— Кстати, ты прекрасно выглядишь, — сделал я ей комплимент. На девушке сегодня не было уродующих ее очков, а вместо дурацких косичек волосы были уложены в прическу-ракушку.

— Чапыра! Прекрати! Я ведь знаю, ты это всё несерьезно! — укорила она меня.

— Хорошо, как скажешь, — не стал спорить я.

— Нам нужно опровергнуть слухи! — продолжила она.

— Соберем пресс-конференцию и сообщим, что мы не пара? — уточнил я.

— Что? — не поняла она.

— Соберем всех в актовом зале и...

— Ты что, предлагаешь комсомольское собрание по этому поводу провести?! — перебила она меня. — Ты что, дурак?! Нас же из комсомола выпрут!

— При чем здесь комсомольское собрание и комсомол? — Я смотрю, здесь любое действие в комсомол упирается, сюрреализм какой-то. — Да и вообще, это была неудачная шутка.

Я уже понял, что Лебедева шуток не понимает от слова «совсем». Скучная она.

— Тебе лишь бы шутить. А мне что делать? — И тут девушка разревелась. Некрасиво, с надрывом, с размазыванием до красноты слез по лицу.

— Тань, ты чего? Ну подумаешь, слухи. Поговорят и перестанут. Да и вообще это последний курс. Максимум через неделю мы все разведемся и, скорее всего, больше никогда не встретимся, — начал я ее успокаивать.

— Слухи не остаются там, где рождаются, они за человеком следуют, а порою обгоняют его, — обреченно произнесла она.

— Ну ничего же не было! — возмутился я, не понимая, почему нужно из мухи делать слона. — До комнаты ты меня довела по причине того, что я в аварии пострадал и нуждался в помощи.

— А целовал зачем? — На этом вопросе девушка вновь чуть не разревелась.

— Не знаю, — не нашелся, что на это ответить. Лично для меня, Сереги Королько, такое поведение с девушками было обычным. А вот за Альберта я не поручусь. Да и вообще, видно, не осознал я еще серьезности ситуации, расслабился, веду себя, как там привык, а ведь надо меняться, мимикрировать под местных. Для своего же блага.

— Сперва я подумала, что понравилась тебе. Вот же дура. — Девушка усмехнулась. — Потом разобралась, конечно. — Она на миг замолкла, затем посмотрела на меня, серьезно так посмотрела и припечатала: — Нехорошо ты поступил, Альберт. Не по-комсомольски.

«Даже в этот задушевный монолог комсомол вплела», — раздраженно подумал я.

Сказать мне было нечего. Да и вообще утомила она меня. Жрать хочу.

— Осознал. Извини. Мне пора идти.

— Сволочь ты, Чапыра.

— Нормальный я, — процедил я. — Это вы тут все с головой не дружите.

Терпеть не могу, когда меня виноватым пытаются выставить, чтоб потом дивиденды с этого поиметь.

— Кто это — все?

Я вовремя прикусил язык. Пару раз вдохнул воздух. Потер виски.

— Лебедева, мне пора.

— Иди, — безразлично отозвалась девушка.